

УДК 316.334.56-025.31

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_6_80

М.Л. Шуб

Челябинск

Челябинский государственный институт культуры
shubka_83@mail.ru

«ГОРОД КАК СЦЕНА МОИХ ЧУВСТВ»: СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ЗАКРЫТОГО ГОРОДА

Статья посвящена осмыслению специфики эмоционального уровня идентичности жителей «закрытых городов» (на примере г. Озерска Челябинской области). Эмоциональный уровень городской идентичности подразумевает иррациональную, чувственную идентификацию личности с местом ее территориальной локации, апеллирующую к интуитивной оценке города. Его специфичность в контексте закрытого города раскрывается через следующие параметры: автобиографичность, производственный патриотизм, внутренняя и внешняя оппозиционность, ретроориентированность, чувствительность к снижению комфорта, солидаризированность.

Ключевые слова: идентичность, городская идентичность, закрытый город, эмоциональный уровень городской идентичности.

В последние годы, по мнению Д.А. Белл и А. де-Шалит, феномен городской идентичности приобретает особое значение и с точки зрения исследовательской практики, и с точки зрения повседневной жизни. Такая актуализация связана с тем, что городская идентичность на фоне становящихся все более востребованными идей космополитизма позволяет почувствовать сопричастность чему-то уникальному и «своему» [1, с. 12].

П. Найнтед под городской идентичностью понимал, во-первых, совокупность аутентичных, присущих конкретному городу черт и характеристик, выполняющих атрибутивную функцию, позволяющих дифференцировать его из числа других городов (в российской традиции это, как правило, называют имиджем или брендом); во-вторых, собственно процесс и результат идентификации человека с городом, основанной на принятии его самобытности, эмоциональном вхождении в пространство его предметной и знаково-символической среды.

Нам данное определение на фоне других вариантов кажется предельно удачным в силу своей системности и комплексности [2, с. 152-153].

Структурно городская идентичность включает в себя пять значимых компонентов: когнитивный (рационально-критическое осознание причастности индивида к какой-либо группе); ценностно-нормативный (соотнесение собственных ценностных ориентаций с аксиологическими установками группы, полное или частичное принятие последних); эмоциональный (иррациональное переживание принадлежности к группе); деятельностный (формирование моделей поведения, основанных на степени и характере разделяемости ценностно-нормативных ориентиров группы, на аффективном восприятии личностью комфортности отождествления с ней); знаково-символический (отождествление личности с той или иной группой посредством принятия ее семиотической среды).

В своей статье мы остановимся на осмыслении специфики эмоционального уровня городской идентичности, выявленной по итогам проведенного в 2020-2021 годах культурологического исследования. В целом оно было направлено на изучение идентичности жителей промышленных городов Южного Урала. Исследование реализовывалось с использованием трех методов (массовый опрос, нарративный анализ и полуструктурированное интервью) в Челябинске, Магнитогорске, Златоусте, Озерске, Сатке и Карабаше. В рамках данной статьи предлагаются отдельные результаты апробации метода интервью, участниками которого выступили жители закрытого атомного города Озерск (массив выборки – 50 человек).

Эмоциональный уровень городской идентичности, как следует из его названия, подразумевает иррациональную, чувственную идентификацию личности с местом ее территориальной локации, апеллирующую к интуитивной оценке города (в отличие от когнитивного уровня, связанного с его рассудочным, критическим восприятием). Эмоциональный уровень городской идентичности довольно сложно фиксируется именно в силу его внерациональности – респонденты порой сами не могут объективно оценить, почему город, в котором они живут, является для них привлекательным или же, напротив, отталкивающим. Более того, такого рода эмоциональная оценка весьма подвижна и подвержена существенной деформации в зависимости от самых разнообразных факторов (события частной жизни человека, его финансовое состояние, время года и пр.).

В рамках проведенного исследования нами были выделены четыре формы проявления эмоционального уровня городской идентичности и сформулированы соответствующие им вопросы-маркеры – позитивно-персональная форма («Почему Вы любите свой город?»), негативно-персональная («Почему вы не любите свой город?»), позитивно-со-

циальная («Почему Вы гордитесь своим городом?»), негативно-социальная («Вам жаль, что в Вашем городе...»). Каждая форма подразумевает особую направленность эмоционального восприятия города – оптимистично-созидательную или критическую, лично ориентированную («город в контексте моей биографии») или социально ориентированную («город в контексте истории страны»).

Анализ ответов на указанные вопросы (табл. 1) позволил сформулировать шесть особенностей идентичности жителей закрытого атомного города, рассмотренной сквозь призму эмоционального уровня.

1. Автобиографичность

При позитивной личной оценке Озерска, обозначая причины любви к родному городу, респонденты прежде всего отмечали его связь с фактами их собственной жизни («Это моя малая Родина, место моего рождения» – 34 %; «Это место, где прошли мое детство, юность» – 20 %, «Здесь живут мои близкие и родные люди» – 10 %). Таким образом, Озерск оценивался как пространство приватного опыта жителей, как источник значимых связей, субъективных переживаний и ностальгических настроений, как «сцена моих чувств», согласно формулировке В. Беньямина [3, с. 47]. В совокупности такие ответы составили более половины всех полученных (70 %).

2. Производственный патриотизм

Давая оценку Озерску с точки зрения чувства гордости за него, участники интервью выразили фактически монолитно солидарную позицию. Практически половина респондентов (46 %) в качестве источника гордости за родной город обозначили в том или ином виде производственную составляющую: «Наш город – это уникальное производство, ядерный щит страны» (30 %), «Город играет и играл важную роль в истории страны, обеспечивая ее безопасность» (16 %).

С точки зрения Н.В. Мельниковой, производственная направленность – это

важнейший признак ЗАТО (закрытого административно-территориального образования), позволяющий говорить о нем как об особой субкультуре: «С этой позиции закрытый город представлялся как город передовых технологий, занимающий доминирующие позиции в обеспечении обороноспособности страны, как “ядерный щит”. Сама работа в закрытом городе (неважно – на атомном предприятии или в городских организациях) воспринималась его жителями как социально-политическая ценность, иначе говоря, как служение делу мира, как защита государства, выполнение заданий партии и правительства» [4, с. 58], «До настоящего времени жителям каждого из закрытых городов присуще представление, что именно их город был первым в отечественной атомной отрасли, являлся наиболее важным, ведущим и самым секретным, очень значимым для страны...» [4, с. 61].

3. Внешняя и внутренняя оппозиционность

Жители Озерска, отвечая на вопрос о нелюбви к своему городу, отметили два ключевых источника этого чувства.

Во-первых, разочарование в региональной власти, ответственной за плачевное состояние города (внешняя оппозиционность) – «Озерск – брошенный город», «Властям наплевать на нас», «В городе нет хозяина» (20 %). Такая позиция весьма отчетливо прослеживалась и при проводимом анализе городских социальных медиа (около четверти всех постов были так или иначе связаны с критикой местной администрации и фиксацией доказательств ее бездействия), поэтому ее можно назвать устойчивой и последовательной.

Во-вторых, в самих жителях города, названных грубыми, равнодушными и злыми (14 %) (внутренняя оппозиционность).

Таблица 1

Эмоциональный уровень городской идентичности жителей закрытого атомного города: наиболее популярные ответы участников полуструктурированного интервью

Распределение мнений респондентов							
Люблю, потому что...	Кол-во ответов	Не люблю, потому что...	Кол-во ответов	Я горжусь, потому что...	Кол-во ответов	Жаль, что...	Кол-во ответов
Моя малая Родина, место рождения	17	Равнодушная местная власть, в городе нет хозяина	10	Ядерный щит страны, уникальное производство	15	Нет хорошего администратора, равнодушие власти	7
Небольшой, уютный, красивый	10	Грубые и равнодушные жители	7	Великий след в истории страны	8	Ужасная медицина	5
Место моего детства и юности	10	Грязь, мусор на улицах	7	Прекрасная природа	2	Отсутствие благоустройства, грязь	5
Природа	5	Плохие дороги	5	Это мой дом	2	Отсутствие перспектив для молодежи	5
Здесь живут мои близкие и родные	5	Низкий уровень медицины	4	Место моего рождения	2	Город не развивается	4

Подобный вектор саморефлексии особенно тревожен в силу того, что традиционно население закрытых городов и считалось, и фактически являлось особым по своим профессиональным, интеллектуальным, культурным характеристикам. По словам В.С. Толстикова, «применительно к закрытым городам можно говорить об особом типе носителя культуры. Для населения характерен высокий образовательный уровень, необходимость регулярного самообразования. Характерной чертой социокультурной среды закрытого города исследователи, как правило, выделяют еще элитарность» [5, с. 120].

Таким образом, можно сказать, что в Озерске фиксируется явное отсутствие социального консенсуса как по линии «власть – народ», так и по линии «народ – народ».

4. Ретроориентированность

Более половины респондентов (54 %) в качестве позитивных черт родного города указали позиции, связанные либо с их личным прошлым (рождение, детство, юность), либо с прошлым страны (идея о том, что город оставил след в истории, в сложные времена холодной войны выступал в роли ядерного щита и т. п.). Вновь апеллируя к результатам реализации других методов в рамках проводимого исследования, отметим, что ретроориентированность является характерной чертой и других уровней городской идентичности: тема прошлого преобладает в мемориальном контенте городских социальных медиа (тематические группы «ВКонтакте»), в выборе доминантных символов городской среды, в определении наиболее значимого периода существования города и др.

Стоит также отметить, что ориентация на прошлое проявляется не только в непосредственной обращенности к нему как особо аксиологически маркированному периоду, но и в косвенных формах, в частности в чрезвычайно низкой оценке актуального этапа существования Озерска и в отсутствии веры в его будущее. 28 % респондентов, отме-

чая негативные черты жизни в родном городе, обозначили следующие ответы: «Нет будущего», «Жизнь, как болото», «Нет перспектив для молодежи», «Город не развивается», «Отсутствие всяких перспектив».

5. Чувствительность к снижению комфорта

Традиционно в закрытых городах создавались особые условия жизни: большое внимание уделялось медицине, образованию, социальной инфраструктуре, бытовому комфорту. Благодаря территориальной изоляции, статусу и секретности в таких городах был чрезвычайно высокий уровень безопасности. По мнению Н.В. Мельниковой, именно особые условия жизни в закрытых городах оказали существенное влияние на формирование в такого рода населенных пунктах особого типа идентичности: «Под воздействием описанной выше атмосферы секретности и самого факта закрытости города формировалось осознание его необыкновенности. “Мы живем здесь как на другой планете, – говорилось на партийной конференции в г. Трехгорном, – нас законы и постановления общесоюзные не касаются”. У его жителей появилась устойчивое чувство собственной значимости, избранности» [6, с. 326].

И сегодня, согласно данным полуструктурированного интервью, часть озерчан оценивает жизнь в городе как уютную (20 %) и безопасную (8 %). Однако весьма значительное число респондентов (40 % в ответах на вопрос о том, что они не любят в родном городе и 20 % в ответах на вопрос о том, о чем они сожалеют) отметили низкий уровень комфортности жизни в Озерске, проявляющийся как в инфраструктурной («Грязь, мусор на улицах», «Плохие дороги», «Запущенный город», «Отсутствие благоустройства, грязь», «Мало мест отдыха»), так и в социальной («Нет кружков для детей», «Детям негде проводить свободное время», «Низкий уровень образования») сфере.

В этом же списке озерчане отметили «Ужасающий уровень медицины».

Мы фиксируем внимание именно на этом пункте, потому что для жителей закрытых городов уровень медицинского обслуживания традиционно играл большую роль прежде всего в силу вредности развернутого в таких городах производства: «Здоровье населения закрытых городов подвергалось повышенному риску, поскольку основное производство было связано с радиоактивными веществами. Поэтому медицинское обслуживание в закрытых городах находилось на высоком уровне: обеспеченность врачебным составом на 10 тыс. населения была в 3 раза выше общесоюзных показателей, количество развернутых коек – в 2 раза больше, существовала стопроцентная укомплектованность учреждений здравоохранения врачами» [4, с. 57]. Особенно важной сфера медицины была именно в Озерске, поскольку в 1957 году на комбинате «Маяк» произошла страшная радиационная катастрофа, нанесящая колоссальный вред здоровью озерчан.

6. Солидаризированность

В целом практически по всем позициям (где-то в большей, где-то в меньшей степени) участники интервью выражали практически идентичные мнения, которые в основном укладывались в диапазон 4-5 позиций по каждому вопросу. На этом основании можно говорить о достаточно четко выраженных смысловых линиях городской идентичности жителей Озерска, о наличии социального консенсуса в определении преимуществ и ограничений жизни в закрытом атомном городе.

Н.В. Мельникова так охарактеризовала основные содержательные фреймы городской идентичности советских жителей «запреток»: «Самоидентифицируя себя с закрытым городом, горожане проникались чувством собственной значимости, избранности, что стимулировало их корпоративные черты, ощущения

самодостаточности и исключительности. Таким образом, взаимодействие реального и интенционального измерений закрытого города привело к формированию его высокого социального статуса. Любопытно, что с самого начала строительства закрытый город назывался первыми жителями “соцгородом”, даже в то время, когда он был всего лишь поселком, и условия жизни в нем были худшими, чем в близлежащих мелких населенных пунктах. Более того, можно сказать, что закрытый город не осознавался его жителями как периферийный, в этом случае традиционная схема “столица–регион–провинция” не действует. Здесь мы сталкиваемся с ярко выраженной у жителей закрытых городов локальностью – стремлением осмыслить место своего обитания как “центр мира”, как место, приобщенное к бытийному центру. В представлениях резидентов закрытых атомных городов их место жительства не стоит в ряду других, “обычных”, городов, а занимает “исключительную”, “особую” позицию как в своем государстве, так и в мире» [7, с. 419].

Таким образом, можно говорить о противоречивости эмоционального уровня городской идентичности жителей Озерска. С одной стороны, восприятие малой Родины современными озерчанами очень близко описанному в вышеприведенной цитате (гордость за собственный город как особый, уникальный, сыгравший колоссальную роль в истории страны). С другой стороны, в оценках жителей Озерск предстает небольшим, уютным, провинциальным городом, с довольно невысоким потенциалом развития и весьма туманными перспективами, с достаточно низким уровнем социального и инфраструктурного комфорта и фиксируемой социальной разобщенностью.

Список литературы

1. Bell D. A., de-Shalit A. *The Spirit of Cities, Why the Identity of a City Matters in a Global Age*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 412 p.
2. Nientied P. *Hybrid Urban Identity – The Case of Rotterdam // Current Urban Studies*. 2018. № 6. P. 152-173.

3. Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. Москва: Новое лит. обозрение. 2005. 224 с.
4. Мельникова Н.В. Закрытый атомный город как субкультура // Уральский исторический вестник. 2008. № 1(18). С. 54-61.
5. Толстиков В.С. Социокультурная среда закрытых городов Урала // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 18. С. 19-23.
6. Мельникова Н.В. Атмосфера секретности как один из факторов формирования менталитета населения закрытых городов Урала // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22-23 апр. 2004 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. С. 322-327.
7. Мельникова Н.В. Закрытый атомный город: особый статус и особая жизнь // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием [г. Сургут, СурГУ, 14 нояб. 2014 г.]. Курган: Курган. дом печати, 2015. С. 410-421.

Сведения об авторе:

Шуб Мария Львовна, доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии Челябинского государственного института культуры

ул. Орджоникидзе, 36а, Челябинск, 454091
shubka_83@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.10.2021

Одобрено: 15.12.2021

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования:

Шуб М.Л. «Город как сцена моих чувств»: специфика эмоционального уровня идентичности жителей закрытого города // Сфера культуры. 2021. № 4 (6). С. 80-86. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_6_80

УДК 316.334.56-025.31

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_6_80

M.L. Shub

Chelyabinsk

Chelyabinsk State Institute of Culture

shubka_83@mail.ru

“THE CITY AS THE STAGE FOR MY FEELINGS”: THE SPECIFIC EMOTIONAL IDENTITY OF THE INHABITANTS OF A CLOSED CITY¹

The article is devoted to understanding the specific emotional identity of residents of «closed cities» (on the example of Ozersk, Chelyabinsk Oblast). The emotional

level of urban identity implies a person’s irrational, sensual identification with the place of her or his territorial location, relating to their intuitive assessment of

¹ Acknowledgement: This research was carried out under a grant from the President of the Russian Federation for State Support of Leading Young Russian Researchers – Doctoral Candidates, as part of the Project «The Culture of Memory in Industrial Cities of the Russian Provinces: Commemorative Strategies of Regional Identity.»

the city. Its specificity in the context of a closed city is examined via the following parameters: the autobiographical, manufactured patriotism, internal and external opposition, retro-orientation,

sensitivity to a decrease in comfort, solidarity.

Keywords: identity, urban identity, closed city, emotional level of urban identity.

References

1. Bell, D.A. and de-Shalit, A. (2011) *The Spirit of Cities: Why the Identity of a City Matters in a Global Age*. Princeton: Princeton University Press.
2. Nientied, P. (2018) Hybrid Urban Identity – The Case of Rotterdam. *Current Urban Studies*. 6, 152-173.
3. Pavlov, E. (2005) *Shok pamiati. Avtobiograficheskaja poetika Val'tera Ben'iamina i Osipa Mandel'shtama* [The Shock of Memory. The Autobiographical Poetics of Walter Benjamin and Osip Mandelstam]. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
4. Mel'nikova, N.V. (2008) Zakrytyi atomnyi gorod kak subkul'tura [The Closed Atomic City as a Subculture]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 1(18), 54-61. (In Russian).
5. Tolstikov, V.S. (2012) Sociokul'turnaia sreda zakrytykh gorodov Urala [The Sociocultural Environment of the Closed Cities of the Urals]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University]. 18, 19-23. (In Russian).
6. Mel'nikova, N.V. (2004) Atmosfera sekretnosti kak odin iz faktorov formirovaniia mentaliteta naseleniia zakrytykh gorodov Urala [The Atmosphere of Secrecy as one of the Factors Forming the Mentality of the Population of the Closed Cities of the Urals]. *Piatye Tatishchevskie chteniia. Duhovnost' i npravstvennost' na Urale v proshloe i nastoiashchem* [Fifth Tatishchev Readings. Spirituality and Morality in the Urals in the Past and Present]. Ekaterinburg: IIA UB RAS, 322-327. (In Russian).
7. Mel'nikova, N.V. (2015) Zakrytyi atomnyi gorod: osobyi status i osobaia zhizn' [The Closed Nuclear City: Special Status and Special Life]. *Istoricheskaja urbanistika: proshloe i nastoiashchee goroda* [Historical Urbanistics: Past And Present of the City. A Collection of Scholarly Articles]. Kurgan: Kurgan House of Press, 410-421. (In Russian).

About the author:

Maria L. Shub, Doctor of Cultural Sciences, Associate Professor, Chair, Department of Philosophy and Cultural Sciences, Cheliabinsk State Institute of Culture

36a Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091
shubka_83@mail.ru